

БОГАТЫРЬ

ЛЯЙНЕ

СААМСКИЕ СКАЗКИ

СКАЗКА О СОЛНЦЕ

Давным-давно была на Севере страна, где не светило солнце.

И луна не светила.

Совсем тёмная была страна.

Только звёзды виднелись в чёрном небе. Но от звёзд — какой свет? Почти никакого. Одно мерцание...

Чёрное небо висело над страной, и так было темно, что люди различали друг друга по голосам.

И огня не знали люди Тёмной страны.

Жили они в вежах из дёрна и прутьев, утепляли эти жилища как могли — землю насыпали, мхом утыкали... Но всё равно — дрожали от холода, потому что в Тёмной стране всегда дул лютый ветер с холодного моря, глухо закрытого льдом.

Худо было людям в Тёмной стране. Совсем худо.

И была в Тёмной стране высокая круглая гора.

Полнеба закрывала круглая гора, никто никогда не видел, какие звёзды светят по ту сторону круглой горы...

А у подножия горы стоял длинный и высокий чёрный забор.

Такой длинный и такой высокий, что никто не мог его обойти. И никто не мог перелезть через этот забор, чтобы увидеть — что там.

Знали вежники только: стоит за забором большой дом из чёрных брёвен, обитый для тепла оленьими шкурами.

И живут в том доме семьдесят чёрных братьев.

И пасутся за высоким забором сто тысяч оленей. И теплы шкуры оленей, и горяча их кровь, и вкусно их мясо...

Но вежники только слыхали про всё это — не было у них самих ни оленей, ни домов, и ели они только рыбу, которую вытаскивали из-под чёрного льда.

Так жили люди в Тёмной стране тысячу лет. И ещё тысячу. И ещё тысячу лет, и ещё...

И не думал никто из вежников, что можно жить как-то иначе.

Но однажды случилось: увидели вежники — едет вдоль высокого чёрного забора старик на олене. На белом олене, на чудесном олене.

Олень был такой красивый и такой белый, что от него исходило тихое сияние. И в этом сиянии увидели вежники лицо старика, простое и мудрое лицо старого человека, который много жил, много видел, никому не завидует и хочет оставить людям добрую память о себе.

— Здравствуйте, люди, — сказал старик и остановил оленя. — Какая глухая тьма в вашей стране, — сказал старик, и люди увидели его длинную седую бороду, почти до колен. — Неужели вы, вежники, никогда не видели солнца? — спросил старик.

Но никто ему не ответил, никто не понял, о чём он спрашивает.

Вежники не знали солнца. И луны не знали. Знали только звёзды — тусклые светлячки в чёрном небе.

— Да, — сказал старик, — я вижу, вы не знаете солнца... А солнце — это большая радость и большое тепло. И живёт солнце по ту сторону круглой горы, за высоким забором. На самом быстром олене долго ехать, чтобы увидеть солнце. А пешком вдоль высокого забора до солнца никогда не дойти, для этого мало жизни человеческой...

Слушали вежники старика и молча дивились: что же это за штука такая — солнце? Которое сразу и большая радость, и большое тепло?..

Услышали старика и чёрные братья. Услышали — и вдруг закричали:

— Глупые вы, вежники! Глупые и тёмные! Разве может быть что-то такое, что сразу и радость и тепло? Разве может быть что-нибудь такое, чего бы мы не знали? Приехал на белом олене старый обманщик и рассказывает вам сказки, словно маленьким детям! Побьём его и прогоним! Нет на земле цвета лучше чёрного! Нет в мире никакого другого цвета, кроме чёрного!.. Побьём старика и прогоним! Побьём! И прогоним! Побьём! И прогоним!

Задумались вежники. Разве за сказку бьют?

А семьдесят чёрных братьев уже пошли на старика, уже окружили его вместе с оленем.

Покачал головой мудрый старик, и погасли его глаза, и лицо его потемнело, и потухло сияние от белого оленя.

Сказал старик:

— Трудно поверить в то, чего не видел. Но если есть забор — есть что-то и за забором. Если есть гора — есть земля и за горой. Если есть светлячки-звёзды — может быть и такая большая звезда, яркая как сто тысяч звёзд сразу, тёплая и радостная... И есть на земле много разных красок, не одна чёрная. А чёрный цвет — это цвет большой неправды, цвет обмана и злой силы. Я уйду. И покажусь теперь только тому кто поверит в солнце.

Чёрные братья протянули руки, чтобы схватить старика, но белый олень ударил копытом, расступилась земля — и исчез олень, и старик исчез.

Разошлись люди по своим вежам, по своим делам. А чёрные братья ушли в свой большой дом, за высокий забор. И все стали жить, как жили.

И только один юноша не мог больше жить по-старому. Запомнил он слова старого человека о неведомом солнце, которое сразу и тепло и радость.

Пошёл юноша к тёмным озёрам, туда, где растёт ягель, олений мох. Посмотрел он на чёрное небо, посмотрел он на чёрную воду, посмотрел он на чёрную землю и сказал:

— Как бы хорошо, если бы не всё чёрное! Так хочется поверить в солнце! Так хочется увидеть солнце! Но пропал старик, обидели старика. И белый его олень пропал. Как теперь я найду их, в такой тьме?..

Только юноша сказал эти слова — раскрылся ягель, олений мох, и явился перед юношей чудесный олень. Был он такой белый, что от шкуры его исходило сияние...

— Я здесь, — сказал олень. — Я жду тебя. Садись верхом.

Юноша очень удивился и сел верхом на оленя.

И помчались они по мхам и болотам, через чёрные озёра, над чёрными лесами, над угрюмыми сопками...

Долго ли мчались, коротко ли — остановился чудесный олень.

И видит юноша: перед ним на гранитном камне сидит тот самый старик, седая борода до колен, лицо простое, мудрое, независтливое.

— Здравствуй, — сказал старик. — Спасибо тебе, что поверил ты в солнце. Среди самого тёмного народа всегда найдётся герой. Не может быть народа без героев...

— Спасибо тебе за доброе слово, — сказал юноша. — Но скажи, как мне достать солнце для вежников? Хоть кусочек солнца, которое сразу и тепло и радость...

— Достанешь ты солнце, — сказал старик. — Но, чтобы солнце всех согрело и всех обрадовало, нужно, чтобы все люди твоего племени поверили в солнце. Хоть на волосок, но поверили бы. Только тогда солнце дастся тебе в руки. Только тогда согреет всех.

— Хорошо, — сказал юноша, сел на оленя и вернулся обратно в свою Тёмную страну.

Приехал, рассказал, как было. И попросил у каждого по волоску.

Задумались вежники, но дали юноше по волоску. Каждый дал по волоску, целый ворох набрался. Только чёрные братья не дали ни волоса. Но у чёрных братьев юноша и не просил ничего.

Начал юноша плести из волосков шкатулку. Трудная это была работа. Семьдесят дней и семьдесят ночей плёл он шкатулку. Но это только так говорится—семьдесят дней. Потому что в Тёмной стране дни были похожи на ночи, а ночи—на дни. Не было разницы между днём и ночью—одинаково темно. А в темноте, на ощупь, сплести прочную шкатулку—непростое дело.

Но юноша крепче всех поверил в солнце—и он сплёл шкатулку.

И вышел он снова к озеру, на берегу которого рос высокий ягель, олений мох. Посмотрел на чёрное небо и сказал:

—Готова моя шкатулка. Семьдесят дней и семьдесят ночей в глубокой тьме плёл я её. И вера многих людей вошла в меня через эти волоски, через глаза мои и через пальцы. Теперь я готов достать солнце для вежников.

Только он это сказал—раскрылся ягель, олений мох, и явился перед юношей белый олень.

—Садись,—сказал олень.—Садись на меня верхом.

И снова помчались они по чёрным мхам, над чёрными озёрами, над чёрными лесами и чёрными болотами.

Долго мчались, так долго, что юноша счёт времени потерял.

И вдруг вспыхнул вдали густой красный цвет. Видит юноша: на самом краю земли стоит огромное красное солнце. Стоит, переливается, жаром пышет, глаза слепит.

—Стой,—сказал юноша белому оленю.—Стой, погоди, глазам больно, дай привыкнуть...

Остановился олень. И говорит юноше:

—Посмотри, какое солнце огромное, какое яркое, какое горячее! Такое солнце одному никак не унести. Мы с тобой отколем кусочек, покажем людям в Тёмной стра-

не. Понравится им кусочек солнца — пусть сами приедут и возьмут остальное. А не понравится — придётся вернуть на место и кусочек.

— Понравится! — сказал юноша. — Не может солнце вежникам не понравиться, не может такого быть! Едем скорей, глаза привыкли, рукам пора дело делать — скорей!

— Раскрой свою шкатулку, — говорит олень, — и держись покрепче за меня.

Раскрыл юноша шкатулку — и понеслись они прямо на солнце. На полном скаку ударил олень своими рогами по солнцу, отскочил от солнца кусочек и упал прямо в шкатулку. Юноша сразу крышку шкатулки захлопнул, а чудесный олень помчался обратно.

Достигли они Тёмной страны, слез юноша с оленя и низко поклонился ему. А олень ударил копытом — и пропал.

Стоит юноша среди своих людей, среди вежников. И говорит:

— Все вы дали мне по волоску. Сплёл я шкатулку и привёз вам кусочек солнца. Совсем маленький кусочек. Давайте выпустим его, пусть он осветит наше небо и нашу землю. И если частица солнца придётся вам по душе — я знаю, как достать остальное солнце. Оно много больше, мне одному не под силу, нужно всем взяться.

Только он сказал эти слова, прибежали с круглой горы из-за высокого забора семьдесят чёрных братьев. Бегут, руками машут, кричат во всё горло:

— Не смей выпускать! Высохнут наши озёра! Железо в земле расплавится и зальёт наши дома! Сам ты ослепнешь, и все мы сгорим!

Отвечает им юноша:

— Не высохнут озёра, и не расплавится железо. Видел я солнце, видел я землю вокруг настоящего солнца. Прекрасна та земля, нет ничего красивее! Потому что солнце не терпит чёрного цвета!

Обступили чёрные братья юношу со всех сторон, хотят вырвать шкатулку. Но тут вежники заступились за своего.

— Нет, — сказали, — не дадим вам шкатулку. Она из нашей веры сплетена, она из нашей надежды. И если он привёз частицу солнца — пусть покажет всем!

Но чёрные братья схватили юношу и потащили его к чёрному болоту, чтобы утопить вместе со шкатулкой. Видят вежники — плохо дело, не помогают слова. Подняли они с земли камни и кинулись на чёрных братьев. Началась битва, и поднялся чёрный ветер, настоящая чёрная буря.

И вдруг раскрылась шкатулка. И кусочек солнца вылетел из неё. Ветер подхватил и поднял маленькое солнце над чёрной землёй.

Сначала тусклой звёздочкой замерцало солнышко над людьми. Потом ветер начал раздувать его, как раздувает угли в костре.

И солнышко засветилось, всё ярче, всё ярче, и красным светом вспыхнуло небо. Озарились болота, озарились озёра, и ягель на берегу, олений мох, засветился...

Смотрят вежники: вода в озёрах стала голубой, мхи окрасились в жёлтый цвет, в розовый, в зелёный... И даже

камни стали разноцветными. Никогда и не думали вежники, что так красива их Тёмная страна.

А чёрные братья стали ещё чернее, совсем как мокрые уголья. Потом вспыхнули жарким пламенем и сгорели без остатка. И ветер развеял пепел. Потому что тот, кто не верит в солнце,—не сможет выдержать света его и тепла. Потому что кому солнце не в радость—тому оно на беду.

—Спасибо тебе!—закричали вежники юноше.—Спасибо тебе! Научи нас, как добыть всё солнце. Научи!

—Идите туда, где жили чёрные братья,—сказал юноша.—Идите и сломайте высокий забор. И возьмите сто тысяч оленей. И тогда мы все вместе поедem и добудем солнце.

Вежники так и сделали.

Сломали высокий забор, взяли оленей и поехали туда, куда указывал юноша.

Долго ехали, и показалось вдали огромное красное солнце. Слезли вежники с оленей и низко поклонились солнцу.

Юноша сказал:

—А теперь поставьте оленей большим кругом, головами в одну сторону.

Вежники так и сделали.

И вдруг расступилась земля, и появился чудесный белый олень, тот самый, на котором когда-то приезжал в Тёмную страну мудрый старик.

Чудесный олень тронул солнце рогом, оно качнулось, приподнялось и плавно легло на рога всех оленей.

И сто тысяч оленей бережно понесли солнце в Тёмную страну.

И они донесли солнце в целости и сохранности, и Тёмная страна перестала быть тёмной: поднялись навстречу солнцу цветы и травы. Потянулись в небо деревья.

И люди в тундре научились улыбаться друг другу, детям и солнцу.

С тех пор и светит над тундрой солнце.

И тысяча лет прошла с тех пор, а потом ещё тысяча и ещё...

Другие люди живут в тундре, и они совсем не знают, как это может быть сплошная тьма, когда день не отличить от ночи. Но память о смелом юноше, который поверил в солнце, — память до сих пор живёт и никогда не умрёт, она вечная. Как вечно само солнце — Большая Радость и Большое Тепло.

БОГАТЫРЬ ЛЯЙНЕ

Лежит в широкой тундре Ловозеро.

Самое большое, самое красивое, самое рыбное, самое глубокое озеро в тундре. Главное озеро саамов. Самое главное.

С тех пор, как солнце взошло над землёй, на Ловозере поселились вежники. Кто на берегах стал жить. Кто на островах вежу построил. Кому где понравилось.

Жили, рыбу ловили, детей растили, оленей пасли. Особого добра не наживали: больно уж глухие места.

И стоял на Ловозере остров Салма. А знаменит был тот остров тем, что поселился на нём саамский богатырь — Ляйне.

Кто Ляйне не знал? Все знали, и свои и чужие.

Сила у Ляйне была медвежья, хитрость лисья, бегал он быстрее оленя, а прыгал лучше белки.

Жил Ляйне на острове с женой, прекрасной Воавр, и с сыном, маленьким Пяйвием.

Пяйвий — по-саамски значит «солнышко». Его так называли в честь того юноши, который первым поверил в солнце и принёс его вежникам.

Жил ещё на острове родной брат богатыря Ляйне — Арипий, с женой и сыновьями. И другие люди жили, много.

Собрались однажды братья, Ляйне и Арипий, на рыбалку. И маленький Пяйвий-солнышко просится:

— Возьмите меня с собой.

А Ляйне говорит сыну:

— Мал ты ещё для настоящей рыбалки. Подрасти маленько, тогда и возьмём. А пока останься дома, матери помоги, будь за мужчину в доме.

Сказал — и уехали они с Арипием.

Ничего не поделаешь, слово отца — закон. Остался Пяйвий.

Уехали старшие, а на прощанье сказали, что проведуют старых своих родителей на другом берегу Ловозера.

Только братья за порог — злая чудь подступила к острову.

А было так: вышла Воавр, жена Ляйне, посмотреть, что за шум на берегу, не братья ли вернулись с озера. Видит — злая чудь бежит, копьями колет, мечами рубит. И впереди самый страшный чудин — Чудэ-Чуэрвь. Закричала Воавр страшным голосом, испугалась. Видит она — не убежать ей никуда, не спрятаться. Схватили её враги, связали прекрасную Воавр.

А жена Арипия в это время бельё полоскала на берегу. Услыхала она крик, обернулась, увидела страшную чудь и Чудэ-Чуэрвя — и бросилась не долго думая в озеро. Бросилась и поплыла. Долго плыла, сколько сил хватило. Доплыла до Тавь-острова, что стоит от берега вдали, на глубокой воде. Тем и спаслась.

А Воавр, жена Ляйне, попала в плен.

А Пяйвий в кустах успел спрятаться. Всё он видел, всё он слышал, всё запомнил: и как злая чудь вежников перебила, и как Воавр в плен взяли, и в какую сторону увели.

Долго ли, коротко — Ляйне с Арипием рыбы наловили, лодки загрузили, поехали старых своих родителей проведать. Обрадовались старик со старухой: сыновья приехали! Стол накрыли: свежее оленьё мясо поставили, свежую рыбу сварили. Так рады, так рады...

Сидят старики с сыновьями за столом, не насмотрятся друг на друга, не нарадуются. Вдруг слышат — крик на берегу. Выбежали, а навстречу им жена Арипия идёт, шатается, плачет.

Потом рассказала: напала на остров Салма злая чудь. Кто был на острове, тот погиб. Кто не был на острове — тем и спасся. А она, жена Арипия, бельё на берегу полоскала, страшную чудь увидела — в воду бросилась и плыла сколько могла. До острова доплыла, отлежалась, отдышалась — снова в воду бросилась, до другого берега доплыла. Едва не утонула, но весть принесла.

— Что ж, — говорят братья, — раз такое дело, рассиживать некогда. — Попрощались со стариками, бросились в свои лодки. Гребут вёслами что есть сил, на Салму торопятся, скорее, скорее, скорее...

Однако не успели. Ушла злая чудь и увела с собой Воавр, жену Ляйне. Ходят братья по своему острову, горюют: всюду люди лежат, побитые злой чудью, вежи сломаны, ветер плачет...

Ой, беда!

Вышел к отцу Пяйвий. Обрадовался Ляйне: сын живой. Спрашивает:

— Куда увела чудь мою жену, а твою мать, прекрасную Воавр?

— Туда, — показал рукой Пяйвий.

— Ладно, — сказал богатырь Ляйне. — Кто долго плачет, тот силу теряет. Не будем слезы лить, пойдем злую

чудь догонять. Скоро зима, чудь далеко не уйдёт, зима её остановит. Пойду следом я, найду Чудэ-Чуэрвя и убью его. И жену свою Воавр освобожу.

— Ладно, — сказал Арипий. — Иди, брат. Если выследишь чудь до снега, дай мне знать, я тебе на помощь приду. А не выследишь до снега — подожди до весны. Весной я тебя разыщу, и вместе врага осилим. Одному тебе с чудью не справиться, а по белому снегу чудь тебя самого выследит и убьёт. Будь осторожен, брат мой Ляйне, не давай сердцу своему воли, пусть всё голова решает.

— Ладно, — сказал Ляйне, — так и будет.

Настрелял Ляйне из лука многое множество гагар. Нарубил Ляйне ворох кустов и вырезал целую охапку крепких стрел. И сделал он тем стрелам наконечники из гогарьих клювов. Такая стрела, пущенная богатырской рукой, насквозь врага пробивает.

Взял Ляйне' четырёх оленей: на одного навьючил гогарьи стрелы, на другого — мясо, на третьего — рыбу. На четвёртого сам сел. Попрощался с Арипием, братом своим. Попрощался с сыном, Пяйвием. Говорит Пяйвий:

— Возьми меня, отец, с собой. Помогу я тебе выследить злую чудь. И за оленями присмотрю.

— Нет, — говорит Ляйне. — Тебе ещё расти надо. На твой век врагов хватит. Оставайся с Арипием, помоги новые вежи строить, рыбу ловить. Сделает тебе Арипий лук, учись стрелять. Скоро тебе это пригодится.

И уехал Ляйне. Долго бежали по тундре олени.

Чудь хитро уходила и следы заметала. Искал-искал Ляйне, вот уж и осень кончилась, и снег кружит.

Построил Ляйне вежу, стал в веже жить, зиму пережидать. А сам в разные стороны на оленях ездит, злую чудь разыскивает. Не могла чудь уйти далеко, где-то близко зимует...

Искал-искал — и нашёл. Видит однажды: дым на берегу озера. И ещё дым, и ещё, и ещё. Много костров. Значит —

здесь чудь, зимует. Обрадовался Ляйне: теперь не уйдёт от него Чудэ-Чуэрвь.

Стал Ляйне весны ждать. На охоту ходил, двух медведей добыл Ляйне. Шкура у медведя густая, тёплая, мясо у медведя вкусное, очень. Но не ради шкуры убил медведей Ляйне. И не ради мяса. Заготовил он медвежий жир, заморозил его и высоко на дереве спрятал, чтобы жадные песцы не добрались.

Медвежий жир — первое лекарство для воина. Спрятал его Ляйне до весны, когда будет с чудью сражаться.

Вот и весна пришла. Солнце над тундрой всплыло, весь снег растопило. Ручьи побежали в речки, речки побежали в озёра, озёра вспухли и сбросили лёд. Рыба пошла к берегу, икру метать.

Поехал Ляйне туда, где зимой костры видел.

Пока по озеру плыл, солнце спряталось, темь упала на землю, на воду, на небо.

Подплыл Ляйне к вражескому лагерю, лодку привязал и тихонько полез на вежу, где жил Чудэ-Чуэрвь. Эту вежу он просто узнал: из реппеня (отверстия наверху вежи) самый жирный, самый густой дым валит. И запах самый сильный — мясом пахнет, свежей рыбой.

Слышит Ляйне, сам Чудэ-Чуэрвь говорит:

—Что-то глаза у Воавр повеселели? Что-то тело моё играет, будто перед боем? Что-то дым в реппень худо идёт? Не Ляйне ли по веже лезет? Не он ли до нас добрался? Не он ли смерть свою ищет?

Услышал Ляйне эти слова — и скорей с вежи долой, и к берегу. Спрятался в кустах, ждёт. Долго ждал.

Слышит — идёт его жена, его Воавр, его любимая. Чудэ-Чуэрвь её за водой послал. Видит Ляйне — Воавр верёвкой привязана и тянется та верёвка от самой вежи.

Чудэ-Чуэрвь её как собаку держал, на привязи. И верёвка та не простая. Верёвка та из тысячи корней сосновых, из тысячи корней еловых сплетена: не сразу топором разрубишь, не сразу ножом разрежешь.

Увидала Воавр своего мужа, своего Ляйне, обрадовалась, про воду забыла. Обнялись они крепко, и от радости их утро наступило, и солнце взошло, и птицы запели, и тростник качнулся.

Сказала Воавр, сколько врагов в стане, сколько охраны у Чудэ-Чуэрвя. Выслушал её Ляйне и говорит:

— Вот тебе нож, подрежь верёвку, которой привязана. И собери вокруг вежи Чудэ-Чуэрвя побольше хвороста и сухой берёсты.

Тут Чудэ-Чуэрвь стал за верёвку дёргать. Ничего не поделаешь, пора Воавр обратно идти. Зачерпнула Воавр воды и пошла в вежу.

— Тебя только за смертью посылать, — ворчит Чудэ-Чуэрвь.

— За твоей смертью я бы бегом сбегала, — говорит Воавр, а сама снова из вежи идёт.

— Куда тебя опять понесло? — сердится Чудэ-Чуэрвь.

— Пойду растопку соберу, скоро еду варить, — сказала Воавр. Вышла она из вежи и стала обкладывать её хворостом и берёстой, как Ляйне велел. А Ляйне тем временем положил стрелу на тетиву и залез на вежу Чудэ-Чуэрвя. Заглянул в реппень, дымовое отверстие. Видит, Чудэ-Чуэрвь одной рукой верёвку держит, которой Воавр привязана, а другой рукой сиговую икру берёт на нож. Взял он сиговую икру, раскрыл свою пасть и только хотел икру проглотить — увидел через реппень Ляйне. Замер Чудэ-Чуэрвь, даже крик из него не идёт. А Ляйне выстрелил из лука прямо в пасть Чудэ-Чуэрвью. Стрела с гагарьим клювом пробила глотку Чудэ-Чуэрвью насквозь.

Воавр услышала, как тетива звенит, схватила нож и обрезала верёвку. Ляйне спрыгнул с вежи и поджёг берёсту. Огонь поднялся до неба — и спалил Чудэ-Чуэрвя.

А Ляйне схватил прекрасную Воавр за руки, и бросились они к своей лодке.

Увидели чудины, как вежа предводителя горит, и кинулись Ляйне ловить. Из луков стреляют, копья бросают, топорами машут—страх. Бьётся Ляйне, звенит тетива его лука, свистят гагарьи стрелы. И Воавр бьётся: хватает на лету топоры чудинов и со всего маху обратно во врагов бросает. Пробились Ляйне и Воавр к своей лодке, а всё же попали в Ляйне две стрелы, и один топор зацепил богатыря. Обливается кровью саамский богатырь, но метко посылает свои стрелы в страшную чудь, насмерть врага разит. Много положил, а чудь всё наседаёт, толпой прёт.

Воавр вёслами гребёт изо всех сил, а Ляйне из лука стреляет.

Тут им помощь подоспела. Арипий ждал-ждал, когда Ляйне вернётся, дождался весны и сам поехал на помощь брату. В самый раз и успел.

Отстали страшные чудины, кто живой, кто мёртвый остались на берегу, а саамские богатыри уплыли на своих лодках.

—Спасибо тебе, брат,—сказал Ляйне.—Выручил ты нас из беды. Много чуди у Чудэ-Чуэрвя, мне бы одному не справиться.

Арипий смеётся.

—Мы,—говорит,—ещё бы больше чуди перебили, если бы я твоего сына с собой взял, Пяйвия. Уж как он просился со мной, тебе на подмогу, как просился! Но сказал я ему твои слова: расти ещё, Пяйвий, силы набирайся, учись тетиву натягивать сильно, как настоящий мужчина. Оставил я его наши вежи охранять.

Обрадовался Ляйне словам брата. И Воавр обрадовалась.

Пришли саамы в вежу, которую Ляйне зимой построил. И просит Ляйне брата Арипия:

—Достань мне, брат, с дерева медвежий жир. Двух медведей я убил зимой, теперь сослужат они мне добрую службу.

Не успел Арипий бровью шевельнуть — метнулась Воавр, как кошка-рысь взлетела на дерево, достала медвежье сало и принесла мужу.

Разделся Ляйне догола, обнажились страшные раны.

Завернулся Ляйне в медвежий жир, весь завернулся, только нос снаружи оставил и глаза. Долго ли, коротко ли так лежал — затянулись раны, потому что нет лучшего лекарства для боевой раны, чем медвежий жир.

Поднялся Ляйне на ноги — и поехали они все домой.

Приехали на остров Салма, на Ловозеро.

Обрадовались саамы возвращению братьев. Пир закатали, песни пели, пляски плясали, весело было.

Снова стали жить саамы — оленей пасти, рыбу ловить, охотиться.

Жить, как раньше жили.

П Я Й В И Й И К У Й В А

Но не долго жили саамы в мире. Когда у саамов заводился лишний кусок хлеба или мешок сушёной рыбы—всегда находилось кому этот кусок отнять.

Злая чудь собрала новое войско. И злой чудин—Куйва—стал во главе войска. Решил Куйва вконец разорить саамов, убить богатыря Ляйне, и жену его Воавр убить. И Арипия, брата Ляйне, убить. Всех—убить, под корень извести саамский народ.

Услышал Ляйне, что великое войско идёт на Ловозеро войной.

Сказал брату Арипию:

—Ты брат мой, я—твой брат. Мы с тобой как четыре руки, четыре дружные руки. Биться нам насмерть со злою чудью, и трудно нам придётся, брат. Давай пере-

хитрим врага. Как пойдём на бой—ты свой печок накинь мездрой наружу, а руки в рукава не запихивай. И пуговицу застегни только верхнюю. Понял, брат? Не забудь мои слова, а не то быть беде.

И стали они к битве готовиться. Целый сугроб гагарьих стрел наготовили. Боевые топоры наточили. И ножи наострили на мягком камне.

Подошёл к отцу Пяйвий и сказал:

—Смотри, отец, я уже вырос: птицу на лету сбиваю из лука.

В это время летела мимо дикая утка, быстрая как солнечный луч. Вскинул Пяйвий свой лук, и упала утка у его ног.

—Смотри, отец, я уже вырос: топор мой до обуха входит в дерево,—сказал Пяйвий и одной рукой всадил топор по самый обух в крепкое бревно.—И без отдыха могу перегрести на лодке через всё Ловозеро, на дальний берег и обратно,—сказал Пяйвий.—Возьми меня в бой, отец! Я вырос, отец!

Сказал ему отец Ляйне, саамский богатырь:

—Верю тебе, Пяйвий, солнышко, мой сынок. Верю. Вижу—есть у тебя сила. Ты и вправду вырос. Но не спеши в бой, Пяйвий. В бою мало быть сильным и метким. Мужчина в бою должен быть спокойным: руки делают горячее дело, а голова холодная, и глаз всё видит, что слева и что справа. Сила у тебя есть, но должна быть и хитрость, и рассудительность. Послушай отца—и ступай настреляй уток к ужину.

Опечалился Пяйвий, ушёл, слова не сказал. Надо отцу доказать, что он не только сильный, но и хитрый, как настоящий воин. Но—как докажешь?

А тут пришла злая чудь, ещё злее, чем раньше.

Вышли на бой Ляйне и брат его Арипий. Ляйне надел свой печок мездрой наружу, мехом внутрь. Арипий же, сгоряча, забыл про слова Ляйне и не вывернул свой печок наизнанку, надел, как всегда, наружу мехом.

Начали они биться с чудью.

Долго бились, смело бились, много врагов положили.

Мох от вражьей крови стал красным. Красные от крови ручьи потекли в озеро. Птицы замолкли. Трава завяла, и деревья перестали расти. Смерть летала над тундрой, небо двинулось к земле.

Устали братья. А злая чудь всё прибывает, толпой прёт, за десять убитых — сотня живых встаёт, одолевает злая чудь...

Схватили враги Ляйне за печок, а удержать не могут: скользят руки по голой мездре. Ухватили покрепче, на-

сели толпой—застёжка оборвалась, остался печок у злой чуди в руках, а Ляйне вырвался.

Тогда схватили чудины Арипия за печок. Не вывернул Арипий печок, мехом наружу надел. Уцепилась злая чудь крепко, схватила, и убили Арипия злые чудины.

А Ляйне, быстрый как ветер, ушёл от врагов.

Заскрипел зубами злой Куйва, видит—не догнать саамского богатыря.

Ходит Куйва по берегу Ловозера, думает, как бы Ляйне перехитрить, как бы ему саамских вежников под корень извести, от мала до велика.

Ходит Куйва по берегу Ловозера, думает свои злые мысли. А навстречу ему Пяйвий. В руках у Пяйвия лук, и стрела с гагарьим клювом лежит на тетиве. А на поясе подстреленная утка.

Увидел Куйва маленького саама, захохотал:

— Хо-хо-хо! Сам с утку, и утка на поясе! Откуда ты тут взялся, отродье? Что ты тут вынюхиваешь? Иди сюда! Я тебя голыми руками в лоскутки порву и по ветру пущу!

Пяйвий про себя подумал: «Кричи, Куйва, кричи. Грозись, Куйва, грозись. Умная стрела дурацкие глаза всегда закроет...» А вслух сказал Пяйвий:

— Большая у тебя борода, Куйва! Широкая у тебя борода, такая широкая, что и груди не видно.

— Хо-хо-хо! — грохочет Куйва. Мальчишка с луком и стрелами, но не боится он мальчишку. Плотная кольчуга спрятана под одеждой на Куйве, крепкие боевые латы берегут Куйву, ни стрела, ни копье, ни меч, ни топор не возьмут Куйву. — Хо-хо-хо! — орёт Куйва. — Иди-ка сюда! Иди-ка! Я проверю, крепко ли пришиты твои руки-ноги, хорошо ли сидит голова на цыплячьей шее! Иди же!

— Иду, Куйва, иду! — отвечает Пяйвий. — Но скажи мне, Куйва: что у тебя на голове? Боевой шлем или котёл ты украл у саамов? И твоя ли это борода, Куйва? Не украл ли ты и её? Ведь не может же на дрянной земле вырасти густая трава! И не для того ли ты носишь бороду, чтобы прикрыть грудь, узкую как щучье ребро?

— Хо-хо! Щенок! Ты хочешь поиздеваться надо мною перед смертью? — заорал Куйва.

— Перед твоей же смертью, — сказал Пяйвий.

— Хо-хо-хо! — захохотал Куйва. — Скорей я в камень превращусь, чем смерть моя опередит твою смерть, щенок! Смотри, заморыш, я покажу тебе свою настоящую грудь перед тем как разорвать тебя! Смотри, пока жив!

Куйва обеими руками бережно поднял вверх свою пышную бороду. Из-за густых волос он не видел, как Пяйвий сильно натянул свой лук и послал меткую стрелу прямо в горло злому чудину. Шея Куйвы не была защищена ни кольчугой, ни латами. Стрела пробила горло злому чудину, и упал он замертво. И—окаменел.

Пяйвий вытащил у Куйвы из ножен тяжёлый меч. Пришёл домой, слова не сказал, положил перед отцом меч Куйвы.

И тогда сказал Ляйне, саамский богатырь, своему сыну:

—Теперь я верю, что ты настоящий воин. Придёт враг, и мы вместе с тобой выйдем на бой. А ну-ка, Воавр, положи молодому воину свежей рыбы из котла!

И стали они дальше жить, как жили: оленей пасти, рыбу ловить, охотиться и детей растить.

А злые чудины навек ушли с саамской земли.

И снова выросла на земле трава, и расцвели цветы, и созрела морошка, и брусника, и голубика, и ягель-лишайник, без которого не могут жить олени в тундре.

Цена 32 коп.

Для дошкольного возраста

БОГАТЫРЬ ЛЯИНЕ

Саамские сказки

Пересказал для детей С. А. Панкратов
по записи П. П. Юрьева

Редактор А. Б. Тимофеев
Художник Н. Н. Ковалев
Художественный редактор В. К. Конев
Технический редактор В. А. Сычева
Корректор Р. А. Варушина

Сдано в набор 16/IV-1971 г. Подписано к печати 1/IX-1971 г. Бумага офсетная. Формат бумаги 60×90/8. Усл. печ. л. 5. Уч.-изд. л. 4,45. Тираж 150 000. Заказ 555. Цена 32 коп.

Мурманское книжное издательство, г. Мурманск, Дом печати.
Ленинградская фабрика офсетной печати № 1 Главполиграфпрома Комитета
по печати при Совете Министров СССР, Ленинград, Кроновская ул., 7